

Чёрный ветер

Сегодня вряд ли стихнет дождь,
но точно — ты меня не ждёшь ...
И снова я — один — в отеле
спущусь в буфет, где, не стыдясь,
приму на грудь не только квас,
приму — устало и без цели ...

О, жизнь, печаль и грусть моя!
Ужель не вспомнишь вдруг, что я
совсем один — на целом свете,
и что в душе, — не зная сна,
толь от тоски, толь от вина, —
свистит холодный, чёрный ветер ...

Иду по лесу, как за счастьем ...
Льёт солнце золото с небес,
и птичье звонкое участие
мне требуется — позарез.

Ведь я — поэт! И моё дело
в стихах свет-чувства выражать,
чтоб жизнь светилась и летела —
в стремленье вечном побеждать!

Пусть критики в пытливом раже
доходят до моих корней ...
Но лишь эпоха верно скажет,
где в слове я всего сильней.

Пленительно поёт синица,
таёжный воздух чист и свеж.
И в пустоту не обратится
мой путь признаний и надежд.

Снежный свет

Уж не знаю, какой по счёту
снег по-лиси лежит на заре,
обращая в сплошные красоты
и траву, и кусты во дворе.

И вдруг солнце, ах, что за сила!
прорвало — гряды облаков,
и упрямо сквозь воздух стылый
лёт лучи из всех закровов.

Можно только душой дивиться
от слепящего взгляд серебра,
что в горящих лучах искрится,
будто вечным светом добра ...

И свежо-то как! Всею грудью
надышаться всласть не могу.
Как же тут не поверить чуду,
что воскреснет любовь в снегу ...

И я верю, счастливо верю!
Сердце с силой по рёбрам бьёт,
и в душе, ну, не зная меры,
снежный свет-соловей поёт ...

Рыщет вьюга, как будто волчица,
жадно снегом заносит мой путь.
Я хотел бы любви покориться,
только ненависть жалит в грудь.

Не к врагам, не к зверям, не к бандитам,
а, представьте, к себе самому.
Будто я виноват, что убито
столько людей в кровавом дыму.

А ведь в самом деле я только
был по совести верен любви,
но она растворилась так горько,
словно яд смертоносный в крови ...

Пусть море мне не по колено,
и в высь, как птица, не взлечу.
Но моё слово вдохновенно,
подобно — звёздному лучу ...

Оно от света мчится к свету,
ему внимает стар и млад, —
и верует, что смерти нету,
что жизнь — благодаренья клад.

Но не пророк я и не гений, —
на лаврах мне не почивать,
ведь день земной исполнен тени,
а должен солнцем просиять!

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

СНЕЖНЫЙ СВЕТ

За это я навек — в ответе
пред совестью, а не толпой,
как обуздавший чёрный ветер,
чтоб он навеки стал слепой ...

Теперь ответьте, кто я всё же?..
Но знает лишь любовь одна!
Что я судьбы своей моложе, —
и лишь бессмертье мне цена ...

Пусть утро мне — пошлёт удачу,
к примеру, твой горячий взгляд ...
Пусть за вину мной счёт оплачен,
но — всё равно я виноват ...

Провёл я целый день в раздумье,
всё мылил: как же дальше жить ...
Иль тем, что я до срока умер,
всё сразу и навек — решить?

Но я решил, что всё же надо,
как вновь ни трудно, жить, Бог мой! —
не с кем-нибудь, моя отрада,
а лишь с тобой, одной тобой!

Но легче, крест кладу, не стало ...
Труднее — да! — ведь знает высь, —
коль жить решил — душе досталась
и вся ответственность за жизнь ...

А это трудно, даже страшно,
но — зря я что ли дух ковал,
когда с утра потел на пашне,
любви твоей, как свет — не знал ...

И, милый друг, не оттого ли,
что я — характером стальной, —
меня ты любишь даже в боли,
не то, что в радости святой!

Да, за вину мной счёт оплачен ...
И — этому я — сердцем рад!
Пусть утро мне пошлёт удачу, —
к примеру, твой горячий взгляд ...

Не смотри в глаза мои с укором
я тебе, поверь, — не изменил ...

Но ищу в другой любви опору
для большого взлёта высших сил.

Наше счастье оказалось хрупким,
и я в этом — точно виноват,
что шёл без оглядки на уступки
всем твоим желаньям невпопад ...

Вот и возомнила ты бездумно:
я — твой раб, кому спасенья нет,
не учтя, что в этой жизни шумной
стать сумел я навсегда поэт.

Это значит восставать из праха
всех несчастий, коим нет числа,
и в любви быть не ручною птахой,
а орлом, чьи солнечны крыла.

И, устав быть вечно виноватым,
от тебя умчался враз душой —
и парю свободно, трижды клятый,
битый и оболганный — молвой.

Может, я и заслужил укора,
но любви, поверь, не изменил.
Пожалеешь горько, что опорой
мне не стала для высоких сил ...

В жизни горестной и сладкой,
но в любом порядке шаткой,
вновь от всей души пою.
Словно, подойдя к барьеру,
я под выстрел револьвера
подставляю грудь свою.

Может, мне назначен жребий,
там, в нагорных высях неба
сдохнуть от недугов злых ...
Вот и в ключья рву рубаху
перед сволочью, без страха,
ибо я — живей — живых.

Развернусь душой в ударе,
старый я или не старый,
но так врежу, что держись! ..
в драке, — задирая зенки, —
сволочь ставит пусть на деньги,
я поставил впрок на жизнь!

Через дрожь, как в ледяную воду,
погружаюсь в злую крутоверть.
Это мне не надо, не в угоду,
но, увы, сильнее жизни смерть ...

Нет, она ещё лишь на пороге,
пусть дыханьем и пронзает дух ...
Может, я смогу спастись в итоге
от безмерных, пережитых мук?

Может, ибо чудом жил на свете,
где от света и любви так пел.
Будто сам Господь меня приметил
для грядущих и бессмертных дел.

Ах, как хорошо я путь свой начал!
Но, хоть разрыдайся, не вернуть —
ни любви, ни радости, ни плача,
ни мольбы печальной: «Позабудь ...»

Всё прошло, развеялось, исчезло,
как мираж в пустыне огневой.
Я, однако, в этом, если честно, —
виноват не больше, чем другой ...

Время воздало мне по заслугам,
за мечтанья зряшны в мозгу ...
И пускай вовек рыдает вьюга,
на моём — последнем — берегу ...

Вновь что ни пуля, то в меня,
да и снаряды рвутся рядом ...
Стоять — на линии — огня,
наверно, пострашнее ада.

В желанье жить неукротим,
и впрямь не падаю я духом.
Пусть, как друзьям, врагам моим
земля когда-то станет пухом ...

Двойное счастье

Пускай, пускай леса окрестные
стоят, как девушки, без платяниц.
Зато распелись птицы вешние
над руслами зелёных стариц ...